

## Глава 11. Ночёвка под открытым небом

— И тебе даже не интересно, куда мы направимся через полчаса? — спросил Цюй Луныцзюнь.

Едва они скрылись из виду, напускная близость мгновенно испарилась. Цюй Луныцзюнь убрал руку с плеча Цин И, и оба пошли на прежнем, вежливом расстоянии.

— И так знаю, — отозвался Цин И.

— Вот как?

— Загадки — детская забава.

Цюй Луныцзюнь искренне рассмеялся.

— Иметь с тобой дело — сплошное удовольствие, но расслабляться ни в коем случае нельзя.

— Со мной легко ладить, — Цин И бросил на него косой взгляд. — Если только у тебя изначально нет нечистых намерений.

— Нечистых намерений? Грубо сказано.

— Корыстных побуждений? — с напускным удивлением уточнил Цин И.

Цюй Луныцзюнь лишь горько усмехнулся.

— Неужели дойдёт и до «коварных замыслов»?

— Ха-ха, сдаюсь, сдаюсь! Не думал, что заслужил у тебя столь дурную славу.

— Мнение о вас, Ваше высочество, зависит исключительно от ваших собственных поступков.

Принц не нашёлся что ответить и лишь многозначительно улыбнулся.

Они не спеша дошли до Павильона Чистого Душистого Трутника.

— Собирайся. Через четверть часа я пришлю за тобой людей, — бросил Цюй Луныцзюнь и ушёл не оборачиваясь.

Глядя ему вслед, Цин И приподнял бровь:

— Мань Юэ!

Мань Юэ вернулся в павильон намного раньше. Услышав зов, он пулей выскочил во двор:

— Учитель!

— Что нужно брать с собой для ночёвки в лесу?

Ученик вытаращил глаза:

— Вы собираетесь ночевать под открытым небом?!

— А что в этом такого?

— Но вы ведь никогда прежде...

Не дав болтуну договорить, Цин И поднял руку:

— Арбуз! Пока не разрежешь — не узнаешь, спелый ли он.

Он глубокомысленно кивнул и, обойдя застывшего Мань Юэ, вошёл в дом.

Мальчик так и остался стоять посреди двора, растерянно глядя в небо. Простояв так добрых пару минут, он решительно взмахнул рукой:

«Речи учителя всегда полны тайного смысла! Да. И то, что я ничего не понял — совершенно нормально».

Мань Юэ боготворил Цин И. Знай он даже наверняка, что это была обычная бессмыслица, он всё равно сжал бы кулаки от восторга:

«Учитель невероятен! Даже его глупости звучат как великая мудрость!»

\*\*\*

Оказавшись в седле и выехав на оживлённую городскую улицу, Цин И окинул взглядом пестрящую толпу. В памяти неожиданно всплыла старая притча, прочитанная давным-давно.

Жил-был альпинист, который всю жизнь мечтал покорить высочайшую вершину мира. Он жаждал единоличной славы, а потому после долгих лет подготовки отправился в путь в одиночку. Смеркалось. Вместо того чтобы разбить лагерь и заночевать, он упрямо карабкался вверх, пока тьма окончательно не поглотила горы.

Несмотря на кромешную мглу, альпинист продолжал восхождение. И вот, когда до вершины оставались считанные метры, он оступился и сорвался в бездну.

Падая, он видел лишь пролетающие мимо чёрные тени и чувствовал первобытный ужас свободного падения, подчиняющегося лишь безжалостному земному притяжению.

За эти несколько секунд, показавшихся вечностью, вся его жизнь — со всем хорошим и плохим — пронеслась перед глазами. Когда он уже мысленно попрощался с жизнью, страховочный трос на его поясе натянулся и резко спружинил.

Человек повис в пустоте. Веревка оставалась его единственной связью с миром.

Оказавшись между небом и землёй, без надежды на чью-либо помощь, он в отчаянии закричал:

— Господи, спаси меня!

И вдруг из вышины раздался глухой голос:

— Чего ты хочешь от Меня?

— Господи, спаси!

— Ты действительно веришь, что Я могу спасти тебя?

— Верю, конечно верю!

— Тогда перережь веревку на своём поясе.

Воцарилась долгая, гнетущая тишина. Альпинист помедлил и... ещё крепче вцепился в свой единственный трос.

На следующий день поисковый отряд обнаружил его окоченевшее тело. Мужчина висел на верёвке, судорожно сжимая её побелевшими пальцами.

Всего в одном метре от земли.

Люди часто забывают: наша жизнь начинается по-настоящему лишь тогда, когда младенцу перерезают пуповину. Судьба порой любит шутить с нами злые шутки. Но закрывает ли она перед тобой дверь или открывает окно — тебе нужна лишь смелость, чтобы перерезать невидимую пуповину, связывающую тебя с прошлым.

Цин И вспомнил свои первые дни в этом чужом мире. Растерянность, тревога, уныние и полная беспомощность — он чувствовал себя новорождённым, который боится ступить на неизведанную тропу и потому медлит сделать первый шаг.

Он думал, что на привыкание к чуждому, почти первобытному обществу уйдут годы. Но незаметно пролетело уже десять дней. И пусть пока его мир ограничивался стенами княжеского поместья, Цин И понял: вписаться в эту реальность не так уж трудно. Нужно лишь набраться смелости и обрезать удерживающую верёвку. Новая жизнь была совсем рядом — буквально в шаге.

На лицах простых прохожих сияли искренние улыбки — время жатвы радовало каждого. В вышине раскинулось безоблачное синее небо, а золотое солнце слепило глаза. За городскими стенами простирались бескрайние поля, где клонились к земле тяжелые, полные спелого зерна колосья. Встречный ветер доносил мягкое тепло осени. Цин И показалось, будто он сидит в открытом кафе на залитых цветами Елисейских Полях, слушает нежную скрипку уличного музыканта и не спеша потягивает сладковатый королевский кофе с тонким ароматом бренди...

На душе стало необычайно легко и покойно, и он невольно улыбнулся.

Цюй Луныцзюнь заметил его перемену в настроении:

— Похоже, сегодня я принял абсолютно верное решение.

— Твои люди живут в мире и достатке, — по-прежнему улыбаясь, отозвался Цин И и бросил на принца выразительный взгляд.

Намёк был предельно ясен: император Цюй Ли — достойный правитель.

Принц предпочёл аккуратно обойти эту скользкую тему и указал плечью вперёд:

— За теми холмами течёт Багряная река.

— Багряная река?

— Да, Цзянхэ. Она берёт начало на северо-западе, у горы Малых Облаков, пересекает земли нашего королевства с севера на юг и впадает в Фиолетовое море.

«Гора Малых Облаков? Фиолетовое море?» — Цин И лихорадочно перебирал в памяти географические названия. Фиолетовое море! О таком он слышал лишь в легендах, на реальных картах его никогда не существовало. Почувствовав укол тревоги, он спросил:

— А какие государства граничат с королевством Цюй?

— На востоке — королевства И и Юй, на севере — Шан и Цюн. На западе лежит лишь Королевство Великой Соли, от которого нас отделяет Гора Туншань.

С каждым новым словом принца Цин И будто уменьшался в размерах. Ни одного из этих названий он не встречал ни в одном учебнике истории. Дело принимало скверный оборот.

— Что-то не так? — с лёгким удивлением поинтересовался Цюй Луныцзюнь.

— А? Что? — Цин И не сразу вернулся к реальности.

— С тобой всё в порядке? Лицо вдруг изменилось, — принц деликатно подбирал слова, решив не говорить прямо, что его спутник внезапно смертельно побледнел.

— Всё... всё хорошо, — выдавил Цин И, изобразив подобие улыбки, которая больше походила на судорогу. — Скоро мы прибудем? И зачем нам на Багряную реку?

— Речные отмели тянутся там на сотни ли. Места ровные, раздольные — как раз для того, чтобы вволю накататься верхом и не бояться налететь на случайного прохожего.

— Вот оно что... А я уж подумал...

— О чём?

— Да так. Решил, что мы едем на стоянку с ночёвкой — иначе зачем за нами тянется целый отряд гвардейцев?

— Именно так мы и поступим. Грядёт трёхдневный осенний обряд жертвоприношения и охоты. В это время положено разбивать лагерь в глуши, дабы не забывать, с какими нечеловеческими трудностями наши предки основывали государство.

— Значит... — Цин И хотел было расспросить о великом прошлом королевства Цюй, но тут же осёкся. Какое ему до этого дело? Чем больше подробностей он узнает, тем очевиднее станет горькая правда: этот мир не просто отстал в развитии, он чужой до последнего камешка.

— Похоже, мне придётся освоить ещё и стрельбу из лука, — наигранно весело заметил он.

— Я сам обучу тебя, если пожелаешь.

— Куда уж яснее. Рано или поздно я покину твоё поместье, и мне придётся как-то выживать самостоятельно. С моим нынешним хилым телом выбирать не приходится — учиться нужно в любом случае.

«Неужели ты действительно намерен уйти?» — Цюй Луныцзюнь искоса взглянул на юношу, но промолчал, не став озвучивать вертевшийся на языке вопрос.

— Главное, чтобы у тебя было желание, — лишь ответил он.

После этого каждый погрузился в собственные мысли. Молчание не тяготило их — оба сосредоточились на верховой езде. Скакун принца отличался от вороного Уцзюньли, принадлежавшего Цин И, но ничуть не уступал ему статью. Это был великолепный гнедой жеребец с изящной головой, умными живыми глазами и лоснящейся шкурой. Белые отметины украшали его лоб и бабки сильных ног. Высокий и грациозный, он смотрелся истинно царственно.

— Сжимай бока коня коленями и внутренней стороной бёдер! Подай корпус вперёд, вот так, отлично! — Цюй Луныцзюнь держался вплотную к Уцзюньли, подсказывая на ходу: — Перенеси центр тяжести. При быстром аллюре нельзя тяжело оседать в седле — держись на весу, лови ритм движений коня...

Преодолев около половины ли, они перешли на шаг. Принц одобрительно кивнул:

— Недурно. Не ожидал от тебя такой прыти. Кажется, верховая езда тебе по душе.

— Это инстинкт, — Цин И натянул поводья, осаживая Уцзюньли. — Знаешь, почему людям так нравится скакать верхом?

— Впервые слышу подобный вопрос. Что ж, с удовольствием послушаю твои соображения на этот счёт, — принц поравнялся с ним, пустив коня шагом по мягкому речному песку.

— Никакого секрета тут нет. Мужчины рождаются со страстью к управлению и покорению. В моём прежнем мире это выражается в вождении машин, здесь — в верховой езде.

— «Вождение машин»? Править самодвижущейся повозкой?

— Если говорить проще, в моём мире есть механические экипажи — машины. У них есть руль, колеса, и если залить достаточно топлива, можно умчаться куда глаза глядят. Психологи утверждают, что это тешит мужскую жажду контроля. Сидя за рулём, ты чувствуешь, как твоя сила многократно возрастает. Ты сам решаешь, когда отправиться в путь, с какой скоростью мчаться и куда повернуть. Точно так же, как сейчас с Уцзюньли.

— Любопытно. Продолжай.

— Один мудрец сказал: наши инстинкты формировались веками. Многие привычки уходят корнями в глубокую древность. Та же тяга к контролю — будь то конь или машина — родом из первобытных времён. Мужчины занимались охотой. Им требовалось безупречно владеть оружием и орудиями труда, иначе племя осталось бы голодным, а сам охотник мог погибнуть. Со временем общество закрепило за мужчиной роль сильного и решительного защитника. Мальчиков с малых лет учили держать всё под контролем. В итоге у взрослых мужчин эта потребность развита куда сильнее, чем у женщин. Полагаю, Ваше высочество воспитывали точно так же?

Цюй Луныцзюнь неопределённо усмехнулся.

— И страсть к машинам, и любовь к коням имеют одну природу. Мужчине жизненно необходимо властвовать. Если у человека нет средств купить коня, это не значит, что он не мечтает оседлать его. В каждом мужчине на биологическом уровне заложено желание вести за собой, управлять, выделяться из толпы и быть первым. Никто из нас не хочет прозябать в подчинении или безропотно сносить чужую волю. Такова наша природа!

В глазах принца блеснул опасный огонёк.

— И ты сам таков?

Цин И усмехнулся и вопросом на вопрос парировал удар:

— А кто нет?

Прекрасный шахматный ход. Принц высоко оценил его, слегка приподняв бровь.

— Становится поздно. Пора разбивать лагерь.

— Согласен.

\*\*\*

«Лучше один раз перерубить этот узел, чем тянуть бесконечно. Пора привыкать к здешней реальности — так будет лучше для нас обоих».

Они безмолвно закрыли тему. Гвардейцы позади них уже вовсю занимались обустройством ночлега: разводили костры, ставили шатры. Цин И ничем не мог им помочь — все эти архаичные хлопоты были ему чужды. Однако его удивило, что Цюй Луныцзюнь ориентировался в походной жизни ничуть не хуже простых солдат.

— Часто ночуешь в лесу? — поинтересовался Цин И.

— Станный вопрос.

— Ты управляешься со всем этим на редкость умело.

— Неужели ты действительно принимал меня за изнеженного столичного щёголя — праздного, капризного и ни на что не годного?

Цин И соорудил самое невинное выражение лица:

— Мы слишком мало знакомы. Так что я понятия не имею, каков ты на самом деле.

— Я вовсе не против, если ты узнаешь меня поближе.

— Шутишь? Через месяц меня и след простынет. К чему эти изыскания? Мы ведь не собираемся провести вместе всю оставшуюся жизнь, — шутливо отмахнулся Цин И.

Он без сил опустился на мягкую траву у костра и со стоном вытянул гудящие ноги:

— Какая же усталость... — Он принялся осторожно растирать затекшие бедра.

— Для первого раза мы проехали приличное расстояние, так что это неудивительно. Перед выездом я велел тебе закрепить наколенники и плотные гетры. Ты выполнил приказ?

— Посчитал лишней морокой.

— Ты новичок. Без должной защиты после первой же долгой поездки ты сотрёшь внутреннюю поверхность бёдер в кровь. Завтра познаешь все прелести своей беспечности.

— Неужели всё настолько серьёзно? И что теперь делать?

— Перед сном вотрёшь целебную мазь. Это облегчит страдания.

— Ладно, — послушно согласился Цин И.

Он огляделся и заметил, что посреди лагеря высится всего один шатёр. Указав на него пальцем, он вопросительно посмотрел на принца:



— А это?..

Цюй Луныцзюнь сначала недоумённо захлопал глазами, а затем, словно его осенило, заговорил лекторским тоном:

— Это сооружение зовётся походным шатром.

От подобной наглости у Цин И чуть вена на лбу не надулась. Еле сдерживая раздражение, он процедил:

— Я знаю, как оно называется!

— Вот как?

— Я имел в виду...

— Что же?

— Я про то, что...

— Да?

— Ну, про это самое!..

Не зная Цин И истинной натуры этого человека, он бы точно купился на его маску абсолютной невинности.

— Твоя взяла, — вздохнул юноша, сдаваясь и отвечая столь же фальшивой, но обезоруживающей улыбкой.

Цюй Луныцзюнь тихо рассмеялся:

— Этот шатёр приготовлен исключительно для тебя.

— Хм... Погоди. А где тогда будешь спать ты?

Принц принялся молча ворошить хворост в костре длинной веткой, проигнорировав вопрос.

Цин И покачал головой:

— А ты действительно мастер интриги.

— Лъстишь мне.

— Но если ты так хорош, то Тот Самый, должно быть, ещё опаснее?

Стоило Цин И произнести эти слова, как взгляд принца мгновенно остекленел и налился ледяной стужей.

Прощупывать чужие границы — занятие крайне увлекательное, но смертельно опасное. Прежде чем дразнить гепарда и трогать усы на его морде, убедись, что умеешь бегать быстрее него. Однако Цин И отчаянно хотелось узнать, где пролегает предел терпения Цюй Луньцзюня. Отношения принца с императором Цюй Ли напоминали тонкий лёд, и владыка государства явно превосходил младшего брата во влиянии и силе. Лезть в чужие династические распри было глупо, но Цин И чувствовал, что перед ним вот за кулисами развернётся настоящая дворцовая драма в реальном времени. Из благодарности за то, что принц дал ему приют на этот месяц, сдавать его императору Цин И не собирался. А там — кто знает? Если будет хорошее настроение, возможно, он даже протянет Цюй Луньцзюню руку помощи в нужный момент.

<http://bllate.org/book/20580/2132501>